

Г.Ф. Чурсин

**Народные обычаи и
верования Кахетии**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Г11

Г11 **Г.Ф. Чурсин**
Народные обычаи и верования Кахетии / Г.Ф. Чурсин – М.: Книга по Требо-
ванию, 2021. – 81 с.

ISBN 978-5-517-93093-4

Репринтное издание по технологии print-on-demand с оригинала 1905 года

ISBN 978-5-517-93093-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

своихъ почитателей, и съ теченіемъ времени мѣсто его постоянного жительства (домашній очагъ старшаго въ родѣ) становилось священнымъ. Такъ въ теченіе долгаго періода родового быта грузинскаго народа успѣло прочно укорениться въ народномъ сознаниіи представленіе о святости нѣкоторыхъ мѣстъ. Когда въ половинѣ IV вѣка въ Грузію проникло христіанство, оно застало здѣсь освященный вѣками культъ родовыхъ покровителей, и новому религіозному ученію оставалось только приспособиться къ сложившимся воззрѣніямъ. Сознаніе національнаго единства отдѣльныхъ грузинскихъ родовъ находилось въ то время въ начальной стадіи своего развитія, и, такимъ образомъ, еще не была подготовлена почва для воспріятія идеи объ Единомъ Божествѣ, заступникѣ и духовномъ главѣ объединеннаго народа. Поэтому и нельзя было ожидать въ тогдашней Иверіи прочнаго усвоенія христіанской идеи единобожія; божества отдѣльныхъ родовъ сохранили прежнее свое положеніе; единственное измѣненіе выразилось въ томъ, что большую часть этихъ родовыхъ патроновъ стали обозначать общимъ именемъ св. Георгія. Такимъ образомъ древняя Иверія стала страной св. Георгія (Georgia), иначе Грузіей.

Когда грузинскія хроники повѣствуютъ объ одновременной постройкѣ 363 церквей въ честь св. Георгія, то можно съ достаточной долей вѣроятія допустить, что эта цифра близко соотвѣствуетъ имѣвшемуся въ то время числу грузинскихъ родовъ. Такъ какъ отдѣльные роды были неодинаковой силы и вліянія, то понятно, что сообразно этому и родовыя божества имѣли неодинаковое могущество: поэтому и св. Георгій, взявшій на себя роль божества отдѣльныхъ общинъ, оказался не однимъ св. Георгіемъ, а распался на 363 патроновъ неодинаковой силы и святости. Народъ до сихъ поръ упорно держится своего дохристіанскаго взгляда и дѣлаетъ различіе между отдѣльными Георгіями. Каждый Георгій, какъ божество, прикрѣпленное къ территоріи своей родовой общины, находится безотлучно въ мѣстѣ своего жительства и только тамъ принимаетъ просителей и вообще всѣхъ, имѣющихъ въ немъ дѣло.

Такой характеръ религіознаго воззрѣнія ведетъ къ широкому развитію набожничества, хожденія къ мѣстамъ постоянного пребыванія духовныхъ покровителей. Явленіе это дѣйствительно бросается въ глаза всякому, имѣвшему случай наблюдать народную жизнь грузинъ, въ особенности-же кахетинскаго крестьянина. Что

ныѣшніе многочисленныя св. Георгіи представляютъ изъ себя лишь прикрытыхъ христіанскимъ именемъ родовыхъ божествъ азычской Грузіи, это сквозитъ на каждомъ шагѣ въ отношеніи въ нимъ народа. Не слѣдуетъ ходить на богомолье къ тѣмъ иконамъ и Георгіямъ, къ которымъ не ходили твои предки,—учить житейская мудрость кахетинцевъ,—иначе эта икона станетъ по временамъ „требовать къ себѣ“, т. е. насылать болѣзни, требуя жертвъ *). Значитъ, молись только той святынь, которая имѣетъ давнишнія и прочныя связи съ твоимъ родомъ. Впрочемъ, кто переселяется куда-нибудь на другой конецъ Кахетіи, или даже перебирается въ Карталинѣю, поневолѣ бываетъ вынужденъ сдѣлаться какъ-бы отступникомъ по отношенію къ святынямъ своихъ предковъ, но въ тяжелыя минуты жизни онъ опять-таки вспоминаетъ своихъ давнихъ покровителей,—и вотъ мы видимъ, какъ изъ одного конца Кахетіи въ другой, чуть-не за сто верстъ плетутся пѣшкомъ богомольцы, чтобы выполнить свой долгъ передъ Георгіемъ, которому молились ихъ прадеды. Наиболѣе чтимыя кахетинцами церкви св. Георгія слѣдующія: Тетри Георгій въ 11 верстахъ отъ Телава, нѣсколько выше сел. Ацкури, Георгій Бочормскій въ 18 верстахъ отъ Телава по тіонетскому шоссе, Георгій Цкароставскій за Алазанью, въ 25 верстахъ отъ Телава, въ Пшаветіи, Георгій Лорійскій въ Тіонетскомъ уѣздѣ. Многочисленныя Георгіи, разбросанныя въ другихъ мѣстахъ Кахетіи, считаются менѣе значительными и привлекаютъ сравнительно немного богомольцевъ. Кромѣ церквей св. Георгія въ Кахетіи есть нѣсколько другихъ важныхъ святынь, привлекающихъ богомольцевъ даже изъ далекихъ концовъ Грузіи; таковы монастырь св. Нины, Алавердскій соборъ, церковь Михаила Архангела въ сел. Анага Сигнахскаго уѣзда, Шуамтинскій монастырь въ честь Рождества Богородицы въ 8 в. отъ Телава и Хирскій монастырь св. Стефана.

Вездѣ, гдѣ христіанство приходило на смѣну мѣстныхъ родовыхъ культовъ отдѣльныхъ общинъ, мы наблюдаемъ такое явленіе, что Единный Богъ или чтимый христіанами святой распадается на нѣсколько святынь, приобретающихъ различное значеніе. Въ Италіи, какъ свидѣтельствуемъ Фюстель-де-Куланжъ **), и теперь еще лацпарони готовы на ножахъ защищать достоин-

*) Приведено въ „Сб. мат.“, XIX, отд. II, стр. 88.

**) Фюстель де-Куланжъ—„Древняя гражданская община“.

ство Мадонны своей улицы передъ Мадонной сосѣдней улицы. Въ Россіи XVI—XVII вв. любили въ церкви молиться каждый передъ своей собственной иконой; совершенно такъ же жители каждой мѣстности любили имѣть у себя свою собственную, специально имъ принадлежащую святыню, икону или угодника-покровителя; „естественно, что такіе мѣстные угодники и чтились лишь въ предѣлахъ своего края, а другія области ихъ игнорировали или даже относились къ нимъ враждебно“ *).

Организація родовой общины, а также возникшей ватѣмъ на развалинахъ родового строя семейной общины съ хозяйственной стороны характеризуется почти полнымъ отсутствіемъ обмѣна. Родовая и семейная община представляютъ замкнутый міръ, собственными силами и средствами производящій все необходимое для общины. Эта замкнутость хозяйства, не вступающаго ни въ какія отношенія съ хозяйствами другихъ общинъ, породила своеобразныя воззрѣнія, которыя, какъ вѣрные стражи, должны были охранять неприкосновенность самодовлѣющаго міра родового хозяйства. Жизнь въ своемъ стихійномъ движеніи разбила оковы хозяйственного затворничества, и передъ властнымъ ходомъ исторіи должны были отступить архаическія хитросплетенія примитивной мысли, но все-таки распатавная и разбитая эпоха натуральнаго хозяйства не удалась за околицу исторіи, не оставивъ по себѣ нѣкоторыхъ воспоминаній. Эти отголоски угасшаго прошлаго выражаются въ запрещеніи давать различные предметы хозяйства другимъ, въ другое хозяйство, причемъ запреты эти основываются обыкновенно на какихъ-либо нелѣпыхъ опасеніяхъ. Въ Телавскомъ уѣздѣ по возможности стараются не одалживать никому закваски тѣста, а если ужъ приходится одолжить, то отъ нея отрываютъ кусокъ, чтобы не перевелось въ домѣ тѣсто. Съ подобной-же цѣлью какъ въ Телавскомъ, такъ и въ Сигнахскомъ уѣздѣ, если одалживаютъ хлѣбъ, отламываютъ отъ него кусочекъ и бросаютъ тутъ-же на землю, когда даютъ взаимны муку, щепотку этой муки бросаютъ на землю. Если-же не сдѣлать этого, то вмѣстѣ съ хлѣбомъ или мукой будетъ унесена „баракъ“—неистощимость запаса ссудившаго. Въ Телавскомъ уѣздѣ старухи твердо помнятъ мудрое правило—послѣ заката солнца никому не одалживать сита,—иначе не удастся выдать дочь за-

*) П. Мплюковъ—„Очерки по исторіи русской культуры“, ч. 2-я, стр. 28.

мужъ, конечно, если она есть. Если-же сито одолжить необходимо, то пусть его возаратятъ въ ту-же ночь *). Въ Сигнахскомъ уѣздѣ нельзя ничего давать изъ дома въ день Нового года, такъ какъ, что сдѣлаешь на Новый годъ, будешь дѣлать въ теченіе всего года. У торговцевъ и ремесленниковъ г. Сигнаха и близкѣйшихъ селеній не принято продавать товаръ или отдавать работу въ долгъ по поведѣльникамъ. Кромѣ того во многихъ уголкахъ Кахетин дѣйствуютъ слѣдующіе запреты. Ничего не даютъ изъ дома въ первый день посѣва, въ день, когда кто-либо изъ домашнихъ уѣзжаетъ по дѣлу,—иначе уѣзжающій не будетъ имѣть успѣха въ дѣлѣ; послѣ захода солнца не даютъ огня, изъ опасенія, чтобы домъ не постигло несчастье; плохому-же сосѣду и вообще отказываютъ въ огнѣ; затѣмъ не сушатъ также зерно для посѣва, особенно, когда происходитъ посѣвъ. Несомнѣнно, что подобнаго рода запрещенія должны появиться у всѣхъ народностей, гдѣ строгой замкнутости хозяйства начинается угрожать опасность. Соображенія, которыя кладутся въ основу запретовъ, разумѣется, могутъ быть самыя разнообразныя. Зангезурскіе армяне, кавъ и грузины, держатся завѣта—„ночью не давай сита другому“, но объясняютъ его по своему,—„чтобы не было у тебя недостатка въ хлѣбѣ“ **). У армянъ Эчмиадзинскаго уѣзда правила еще строже: „послѣ захода солнца никому ничего нельзя давать, а то все счастье дома уйдетъ. Поэтому ночью не выбрасываютъ и сора, чтобы съ нимъ не выбросить счастья“ ***). Впрочемъ, соръ, по тѣмъ-же соображеніямъ, не выметають и армяне Зангезурскаго уѣзда и грузины Телавскаго уѣзда ****).

У сванетъ нельзя давать другимъ хлѣбъ съ начала пашни до ея окончанія, на Новый годъ, въ день св. Георгія весной и осенью, въ новолуніе, въ понедѣльникъ, въ четвергъ и въ субботу. Кромѣ того, въ день св. Георгія нельзя давать изъ дома рѣшительно ничего *****). Выходцы изъ Персіи, живущіе въ сел. Лагичъ Бакинской губ., „въ послѣдній день Раджаба мѣсяца никому ничего не даютъ изъ домашнихъ вещей, даже огня, ибо

*) Приведено въ „Сб. мат.“, XIX, отд. II, стр. 98.

**) „Сб. матер.“, вып. XVII, отд. II, стр. 200.

***) Ibid., XVII, отд. II, стр. 183.

****) Ibid., XVII, отд. II, стр. 196 и 132.

*****) „Сб. матер.“, вып. XXXI, „Сванетскія повѣрья“ И. Нижегород.

съ данною въ тотъ день вещью домъ потерять благополучіе *). У мингрельцевъ Сенавскаго уѣзда „въ день рожденія какаго-нибудь животнаго въ домѣ нельзя никому ничего ни подарить, ни взять, ни дать,—иначе молодое животное будетъ жевать платъа“ **). Въ Запатайсскомъ округѣ „ночью нельзя давать изъ дома огня, и нельзя проходить черезъ дверь сосѣда съ пустымъ мѣднымъ кувшиномъ, который служить для воды: отъ этого можетъ быть вредъ скотины или шелководнымъ червямъ“ (А. фонъ-Плетте въ „Сб. свид. о кавказск. горц.“, вып. IV, стр. 48).

У армянъ Эчмиадзинскаго уѣзда, когда несутъ дѣбъ, нельзя давать изъ торне другимъ огня, иначе съ домохозяйномъ случится несчастье ***). У грузинъ Телавскаго уѣзда не даютъ огня изъ того дома, гдѣ есть ребенокъ, у котораго еще не прорѣзались зубы,—иначе зубы у него будутъ прорываться очень болѣзненно ****).

Въ Карталиніи огня не даютъ изъ дома въ день Нового года (Горійскій уѣздъ).

Жертвы и культъ. Самая варварская и возмутительная по современнымъ понятіямъ форма умилостивленія божествъ—приношеніе въ жертву людей. Картвальскіе народы, какъ и народы славянской семьи, не избѣжали въ своемъ прошломъ этой грубой формы религіознаго культа. Существованіе этого обычая у грузинъ подтверждается какъ прямыми показаніями грузинскихъ хроникъ, такъ и данными археологическихкихъ изслѣдованій. „Тщательное изученіе многочисленныхъ раскопанныхъ нами „акеллама“ (мцхетскихъ гробницъ), говоритъ Байернъ, привело къ заключенію, что не только въ честь каждаго знатнаго покойника (въ томъ числѣ, кажется, и для женщинъ) приносились человѣческія жертвы, но что и весь народъ разъ или два раза въ годъ приносилъ своему кумиру въ жертву людей“ *****). По грузинскимъ хроникамъ, обычай приносить въ жертву дѣтей, а также съѣдать трупы умершихъ былъ отиѣненъ „праведнымъ“ царемъ Ревомъ, умершимъ въ 213 г. по Р. Хр. Съ тѣхъ поръ прошло уже около 17 столѣтій, однако, и до настоящаго времени въ различныхъ обычаяхъ и суевѣріяхъ грузинскаго простонародья сохранились блѣдныя воспоминанія о давнымъ давно отвергнутомъ варварствѣ.

*) „Сб. матер.“, XXIX, отд. II, стр. 76.

**) „Сб. матер.“, X, отд. I, стр. 112.

***) „Сб. матер.“, XVII, отд. II, стр. 191.

****) „Сб. матер.“, XIX, отд. II, стр. 86.

*****) „Сборн. свид. о Кавказѣ“, т. II, стр. 334.

Судя по легендамъ, у грузинъ, какъ и у другихъ народовъ, было въ обычаѣ при закладкѣ сооруженія, особенно такого, отъ котораго требовалась исключительная прочность, напр., крѣпостныхъ стѣнъ или башенъ, зарывать подъ фундаментъ въ жертву божеству человѣка, чтобы обезпечить этимъ прочность постройки. Грузинскія народныя сказанія сохранили до нашего времени память о подобномъ обычаѣ. Въ повѣсти г. Ломаури (на грузинскомъ языкѣ) использовано наиболѣе трогательное изъ такихъ сказаній, относящееся къ Сурамской крѣпости. Это сказаніе передается народной пѣсней „Сурамисцixe“. Когда строили Сурамскую крѣпость, стѣны ея нѣсколько разъ обрушивались; тогда царь приказалъ разсыкать одинокаго человѣка съ единственнымъ сыномъ и этого сына зарыть. Нашли вдову, у которой былъ единственный сынъ Зурабъ. Привели Зураба и стали задѣлывать его въ стѣну крѣпости. Прибѣгаетъ несчастная мать, вызываетъ къ стѣнѣ, ставшей преждевременной могилой сына:

„Сурамиса цихео! Сурвилита гнахео:

Сурамская крѣпость! Съ желаніемъ смотрю:

Чеми Зурабъ мандарисъ. Каргатъ шени нахео.

Мой Зурабъ тамъ. Хорошо ты сбереги (его).

Затѣмъ, обращаясь къ сыну:

Швило Зурабъ, садаминъ?

Сынъ Зурабъ, по какое мѣсто (заложень)?

Отвѣчаетъ Зурабъ:

Вайме, дедавъ, кочамдинъ.

Охъ, мать, по щиколку.

Черезъ нѣсколько времени мать снова обращается къ сыну съ прежнимъ вопросомъ. Зурабъ отвѣчаетъ, что уже заложень по животъ, затѣмъ по грудь, по шею... Еще разъ спрашиваетъ несчастная женщина:

Швило Зурабъ, садаминъ?

И слышитъ отвѣтъ:

Вайме, дедавъ, гавтамдинъ.

Окончился.

Съ неутѣшными слезами поплелась отъ мрачныхъ стѣнъ горемычная женщина. Плачетъ и несчастный юноша, загубленный на зарѣ жизни, и слезы его просачиваются сквозь камни и увлажняютъ стѣну.

Эта-же легенда, съ незначительными измѣненіями, рассказывается о Сигнахской крѣпости. Здѣсь изъ стѣны выступаютъ

не слезы, а кровь Зураба, которая показывается на стѣнѣ только въ великій четвергъ. Рано утромъ въ великій четвергъ приходятъ иногда суевѣрные сигналахъ къ крѣпостной стѣнѣ, чтобы увидѣть, какъ струится кровь Зураба. Такія-же легенды приурочиваются къ крѣпости Уплись-цихе на правомъ берегу р. Куры и къ нѣкоторымъ стариннымъ крѣпостямъ Борчалинскаго и Тифлисскаго уѣздовъ. Конечно, это вовсе не значитъ, что въ стѣнахъ всѣхъ этихъ крѣпостей дѣйствительно зарытъ живой человѣкъ; повтореніе этой легенды показываетъ лишь, что обычай зарывать человѣка при возведеніи построекъ хорошо знакомъ грузинамъ.

Это довольно распространенный въ свое время видъ человѣческихъ жертвъ. Башни, замки, мосты и т. п., воздвигнутые на принесенныхъ въ жертву людяхъ, указываютъ во многихъ странахъ Европы, Азіи и Африки *).

У чердынскихъ и соликамскихъ пермяковъ при постройкѣ дома обыкновенно обѣщали закопать одного плотника. Въ настоящее время человѣкъ замѣняется мелкимъ животнымъ—поросенкомъ, гусенкомъ, или пѣтухомъ **).

Въ № 242 „Донск. Рѣчи“ за 1903 г. приведено изъ „Казанской Земской Газеты“ слѣдующее: „когда Семень прудитъ мельницу, то кладетъ всегда сперва быка годовъ трехъ, потомъ хворосту, а потомъ соломы“. Такъ обезпечивается прочность мельницы жертвой водяному.

Приношеніе въ жертву животныхъ въ свою очередь смѣнилось болѣе невинными формами умилоствленія духовъ—приношеніемъ вещей, денегъ или чего-либо въ этомъ родѣ.

Въ Кахетіи теперь при закладкѣ дома въ фундаментъ кладутъ серебряныя, а бѣдняки мѣдныя монеты—обычай, весьма распространенный, какъ извѣстно, и въ Россіи. Въ Россіи это приношеніе объясняютъ желаніемъ, чтобы домъ былъ богатъ, но грузины Телавскаго уѣзда держатся толкованія, болѣе близкаго къ древнему смыслу жертвы—„ради прочности фундамента“. Часто въ нынѣшней Кахетіи деньги даже не зарываются въ фундаментъ а открыто берутся плотниками, какъ принадлежащія имъ по праву. Такъ, въ обрядахъ религіознаго культа жертвы, предназначаемыя

*) Эд. Тэйлоръ—„Первобытная культура“, т. I, стр. 94—97, изд. 1896 г.

**) И. Смирновъ. „Этногр. Об.“, кн. IX.

божеству или умершимъ, поступаютъ въ собственность духовенства, а въ данномъ случаѣ въ собственность илотинокъ, присвоившихъ себѣ право быть замѣстителями невидимыхъ духовъ. Въ Заалазанской Кахетинъ въ фундаментъ кладутъ мелкія желѣзныя вещи (сел. Шильда).

Въ ряду суевѣрныхъ воззрѣній и обычаевъ кахетинцевъ существуютъ и другіе, также ведущіе свое происхожденіе отъ человѣческихъ жертвоприношеній. Таковъ, напр., обычай въ случаѣ болѣзни приносить къ священнымъ мѣстамъ модели больной части тѣла, въ большинствѣ случаевъ сдѣланныя изъ желѣза. Болитъ нога—несутъ желѣзную ногу, рука—руку; болитъ голова или спина—примосаютъ желѣзное кольцо, сдѣланное по объему головы или туловища, и т. п. Происхожденіе такого рода обычаевъ можетъ быть объяснено существующими у кахетинцевъ воззрѣніями относительно болѣзней. Болѣзнь понимается такъ, что это какой-либо изъ св. Георгіевъ или другая святыня недовольна человѣкомъ и требуетъ его къ себѣ. Сватыня предъявляетъ требованіе на ту или иную часть тѣла человѣка,—и эта часть тѣла начинаетъ болѣть. Чтобы отвоевать заболѣвшее мѣсто, необходимо дать за него святому выкупъ въ видѣ модели той части, которая ему такъ понравилась. И несутъ больные къ мѣстамъ богомолья желѣзныя руки, ноги, пояса, шампуры, сдѣланные по длинѣ больного мѣста, и т. п. Подобные предметы при мнѣ приносили къ Алавердскому собору, къ церкви Тетри Георгія въ Телавскомъ уѣздѣ; я находилъ ихъ также въ церкви св. Георгія въ сел. Кодало Сигнакского уѣзда и въ сел. Джимити Сигнакского уѣзда при церкви св. Георгія. Въ армянской церкви Успѣнія Богородицы въ Насомхари, въ трехъ верстахъ отъ Сигнаха, стоитъ рядомъ съ иконами желѣзная бронзирванная рука въ натуральную величину, укрѣпленная на желѣзной бронзирванной подставкѣ. Передъ нею въ маленькихъ подсвѣчникахъ горятъ восковыя свѣчи. Рука принесена какимъ-то богомольцемъ.

Приношенія такого рода извѣстны многимъ народамъ, какъ современнымъ, такъ и древнимъ, и представляютъ изъ себя жертвоприношеніе умиловительное или благодарственное. „Приношеніе больнымъ человѣкомъ модели своихъ пораженныхъ членовъ, говоритъ Эд. Тэйлоръ *), носитъ на себѣ явный характеръ жертвоприношенія, все равно, дѣлается-ли оно передъ испѣліемъ

*) Эд. Тэйлоръ—„Первобытная культура“, т. II, стр. 481, изд. 1896 г.

для умиловленія божества, или какъ благодарственное приношеніе послѣ излѣченія. Модели рукъ и ушей, ставившіяся по обѣту въ древнихъ египетскихъ храмахъ, считаются съ одной стороны благодарственными приношеніями, какъ это имѣеть, напр., мѣсто по отношенію къ моделямъ лицъ, грудей, рукъ и проч. въ бѣотійскихъ храмахъ; съ другой стороны, извѣстны случаи, въ которыхъ модели, какъ субституты пораженныхъ частей тѣла, приносились съ цѣлью исцѣленія. Такъ, въ Германіи въ первыя времена христіанства слышались протесты противъ языческаго обычая вѣшать на идоловъ съ просьбой о помощи разные деревянные члены человѣческаго тѣла; а въ современной Индіи пилигримъ, пришедшій вымаливать исцѣленіе, помѣщаетъ въ храмъ изображеніе своего больного члена изъ золота, серебра или мѣди, смотря по состоянію“.

Приношеніе въ жертву моделей замѣняло собой приношеніе настоящихъ частей тѣла, а этотъ видъ жертвъ въ свою очередь пришелъ на смѣну приношенію въ жертву цѣлаго человѣка. Такое послѣдовательное видоизмѣненіе жертвъ удобно прослѣдить на примѣрѣ приношенія въ жертву дѣтей. Дѣти чаще, чѣмъ взрослые, обрекались въ жертву яровожаднымъ богамъ; впоследствии люди пришли къ мысли, что для бога достаточно какой либо небольшой части тѣла ребенка. Руководствуясь такимъ соображеніемъ, кафры и готтентоты обрубаютъ своимъ дѣтямъ фаланги пальцевъ, и видятъ въ этомъ вѣрное средство противъ возможныхъ для ребенка бѣдъ*). Въ Австраліи дѣвочкамъ скоро послѣ рожденія отрубаютъ два сустава мизинца, чтобы умиловить духовъ**). Болѣзнь означаетъ, что какой-либо духъ недоволенъ и нуждается въ жертвѣ; заболѣвшій бушменъ приноситъ въ жертву послѣднія фаланги пальцевъ, начиная съ лѣвой руки, въ надеждѣ, что съ кровью уйдетъ и болѣзнь***). Грузины не рубятъ пальцевъ, но и теперь приносятъ модели рукъ и ногъ. Приношеніе въ жертву куклы вмѣсто живого ребенка, или колыбели, или модели колыбели—распространенный обычай у многихъ кавказскихъ народовъ. Кахетинскія женщины, обращаясь къ святому съ просьбой о дарованіи дѣтей, приносятъ въ даръ колыбели. При мнѣ женщина привезла дѣтскую колыбель къ церкви

*) О. Пешель—„Народовѣдѣніе“, стр. 473.

**) Летурно—„Эволюція рабства“, стр. 22.

***) Пешель—„Народовѣдѣніе“, стр. 473.

Тетри Георгія въ Телавскомъ уѣздѣ въ ночь подѣ престольный праздниѣ 15-го августа. Колыбели приносятъ кахетинцы и въ благодарность за выздоровленіе ребенка. Имеретинны замѣнили дѣйствительную колыбель ея миниатюрною моделью. Родители выздоровѣвшаго ребенка приносятъ въ церковь святому, которому общали, серебряную колыбельку и цѣпочку и кладутъ передъ иконою *). Армянки, испрашивая себѣ ребенка мужского пола, отправляются къ источнику св. Іакова на Араратѣ, къ валуну изъ лавы на г. Алагезъ и къ холодному источнику, находящемуся въ одной верстѣ выше Уравельскаго источника близъ Ахалциха. Въ этихъ мѣстахъ онѣ втыкаютъ въ землю четыре палочки, обертываемыя бумажной ниткой въ видѣ миниатюрной изгороди, внутри которой на такихъ-же двухъ палочкахъ прикрѣпляется люлька съ куколкой изъ тряпокъ въ два дюйма вышиною. Въ Дагестанѣ на вѣтвяхъ деревьевъ можно встрѣтить модели колыбелекъ изъ прутьевъ, принесенныя безплодными женщинами, испрашивающими себѣ дѣтей. У армянъ Эчмиадзинскаго уѣзда существуетъ повѣрье, что для того, чтобы вылѣчить ячмень на глазу, нужно сдѣлать куклу и бросить въ огонь. Подобіе приношенія въ жертву модели ребенка можно видѣть и въ записанномъ мною въ Телавскомъ уѣздѣ повѣрье: если ребенокъ долго не ходитъ, льютъ въ воду воскъ; получившуюся фигуру считаютъ фигурой ребенка, эту фигуру нужно отнести на перекрестокъ и поставить: если будетъ стоять, значитъ, ребенокъ скоро начнетъ ходить.

Нравы боговъ измѣнялись вмѣстѣ съ нравами людей. Какъ побѣдители сначала убивали побѣжденныхъ и поѣдали ихъ тѣла, а затѣмъ стали вмѣсто этого обращать побѣжденныхъ въ рабовъ, такъ и боги сначала требовали людей себѣ въ пищу, а потомъ стали требовать ихъ себѣ въ рабство, въ услуженіе.

Въ этомъ отношеніи у грузинъ любопытное явленіе, происшедшее отъ человѣческихъ жертвоприношеній, представляетъ наложеніе „курати“ или „посвященіе“ человѣка божеству или святому мѣсту. Посвященіе можетъ быть пожизненное или временное, на срокъ. Въ Кахетіи наблюдается обыкновенно послѣднее. Заболѣлъ, напр., ребенокъ. Родители обращаются къ ворожеѣ, какъ помочь горю. Та объявляетъ, что на мальчика надо наложить „курати“, отдать на два мѣсяца Мтаваръ-ангелози... такова воля Мтаваръ-ангелози (Михаила архангела). Родители общаются

*) „Сб. мат.“, XVІІІ, отд. ІІІ, стр. 337.